

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2⁽⁵⁾
осень — зима
2006

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Ю.А. Иоаннесян.* Две Скрижали Бахауллы 1863 г.:
ценная находка в собрании рукописей СПбФ ИВ РАН 5
- С.О. Курбанов.* Корейские каменные стелы хёхэнби
(孝行碑) конца XIX — начала XX в. (провинция
Южная Кёнсан, уезд Тхоньён) 44
- «Основы вероучения» 'Абу Хāмида ал-Газāли.
Комментированный перевод с арабского
С.М. Прозорова 57
- З.А. Юсупова.* «Диван» курдского поэта первой поло-
вины XIX века Нали 821

ИССЛЕДОВАНИЯ

- М.И. Воробьева-Десятовская.* К вопросу о догматике
раннего буддизма 104
- И.Т. Зограф.* Простое предложение в языке памятни-
ков средневековой китайской литературы 125
- И.И. Надиров.* К пониманию коранического
'allahutma 144
- М.Г. Романов.* Термин *ṣūfī*: одухотворяя простые слова
(на англ. яз.) 149
- Л.Ю. Тугушева.* Несколько замечаний в связи
с реконструкцией древнетюркских религиозных
представлений (на англ. яз.) 160
- И.Р. Каткова.* Суфийское братство Самманийа
в Индонезии 163

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2006

<i>А.В. Зорин. Особенности композиции индо-тибетских буддийских гимнов</i>	169
<i>А.Б. Куделин. О поэтическом компоненте «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама</i>	178

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>А.Г. Грушевой. Иудеи и иудаизм в римском праве (I в. до н.э. — I в. н.э.) (Официальные документы римского времени в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия как историко-правовой источник)</i>	190
<i>Е.И. Кычанов. Билики Чингис-хана</i>	210
<i>Giovanni Stary / Джованни Стари. Чингис-хан в «Сокровенных хрониках маньчжурской династии»</i>	217
<i>А.И. Колесников. Обзор новых материалов для изучения сасанидской администрации</i>	223

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

На четвертой стороне обложки:	<i>А. Гриб. Атрибуция отдельных листов рукописей Корана из архива Э. Херцфельда (Отдел исламского искусства Метрополитен-музея)</i>	232
Страница рукописи Скрижали священного морехода из собрания СПбФ ИВ РАН	<i>Т.И. Виноградова. «Сахалинский фонд» как часть книжного фонда библиотеки СПбФ ИВ РАН</i>	249

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Т.А. Пан. Кюнеровские чтения в МАЭ РАН</i>	252
<i>С.А. Французов. Детище Бутруса (сессии ленинградских/петербургских арабистов на страже традиций классического востоковедения)</i>	254
<i>М.Б. Пиотровский. Первые десять сессий ленинградских арабистов</i>	264
<i>О.В. Васильева. Два века Отделу рукописей Российской национальной библиотеки: научные заседания, выставки, публикации</i>	266

РЕЦЕНЗИИ

Над номером работали:	<i>The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the thirteenth century. Transl. with a hist. and philological commentary by I. de Rachewiltz (Н.С. Яхонтова)</i>	272
Т.А. Аникеева	<i>О сознании (Синь). Из философского наследия Чжу Си. Пер. с кит. А.С. Мартынова, И.Т. Зограф, вступ. ст. и коммент. А.С. Мартынова, грамMAT. очерк И.Т. Зограф (И.Ф. Попова)</i>	274
В.В. Волгина	<i>Видения буддийского ада. Предисл., пер., транслит., примеч. и глоссарий А.Г. Сазыкина (Т.А. Пан)</i>	276
Р.И. Котова	<i>О.Ф. Акимущкин. Средневековый Иран: Культура. История. Филология (С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов)</i>	277
А.А. Ковалев	<i>А.Л. Хосроев. Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте) (А.С. Ковалец)</i>	279
О.В. Мажидова		
З.Г. Минеджян		
О.В. Волкова		
И.Г. Ким		
М.П. Горшенкова		
А.В. Богатюк		
Э.Л. Эрман		

IN MEMORIAM

© Российская академия наук, 2006	<i>Мая Петровна Волкова (1927–2006)</i>	283
© Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения, 2006	<i>Михаил Евгеньевич Ермаков (1947–2005)</i>	286

Giovanni Stary / Джованни Стари

Чингис-хан в «Сокровенных хрониках маньчжурской династии»

Наряду с «Сокровенным сказанием монголов» существует второе дальневосточное монументальное произведение, которое в западной историографии определяется как «сокровенное». При этом речь идет о составленной при императоре Цяньлуэ копии древнеманьчжурского труда «Тонгки фука аку хэргэн и дангсэ» («Деловые бумаги без точек и кругов»), китайское название «Цзю маньчжоу дан» («Первоначальный архив на маньчжурском языке»)¹.

Японское издание этой копии вышло под английским названием “The Secret Chronicles of the Manchu Dynasty” («Сокровенные хроники маньчжурской династии»), кроме того, имеет маньчжурское название «Тонгки фука синдаха хэргэн-и дансэ» («Деловые бумаги с точками и кругами»), а также китайское «Маньвэнь лаодан» («Старый архив на маньчжурском языке»)².

Как известно, здесь речь идет о хронологической, отчасти с перерывами, записи истории становления маньчжурского государства периода с 1607 по 1637 г.

Оба эти произведения, т.е. монгольское «Сокровенное сказание» и маньчжурские «Сокровенные хроники», резко отличаются друг от друга по своему происхождению и структуре. Поскольку характеристика этих произведений общеизвестна, то специально останавливаться на них здесь представляется излишним.

Известно также, по каким причинам их определили как «сокровенные».

Однако и то и другое затрагивают одну тему: становление двух азиатских империй, которое характеризуется выступлением на историческую арену таких личностей, как Чингис-хан и Хубилай с монгольской стороны, а Нурхацзи и Хун-тайджи — с маньчжурской.

Предметом данного исследования является вопрос о том, в какой степени личность Чингис-хана оказала воздействие на политику с позиции силы маньчжурского правителя Нурхацзи.

Оба маньчжурских правителя — Нурхацзи и Хун-тайджи связывали свое политическое продвижение, в частности, с чрезвычайно действенной пропагандистской кампанией: так, провозглашая в 1616 г. свою собственную «Золотую» династию Айсинь, Нурхацзи подчеркнул свои претензии на господство не столько идеальной, сколько реальной связью с чжурчжэньской династией Цзинь, т.е. «Золотым государством» XII в. Название династии недвусмысленно демонстрировало связь с чжурчжэньской династией маньчжурских предков. Его преемник — Хун-тайджи оправдывал свое право быть наследником монгольской империи тем, что он распространил не столько идеальный, сколько реальный рассказ о чудотворном обнаружении печати династии Юань³.

¹ Tongki fuka akū hergen i dangse (Chiu Man-chou tang). Vols. I–X. Taipei 1969 (далее — TFAHD).

² Tongki fuka sindaha hergen i dangse (Man-wen lao-tang). Vols. I–IX. Tokyo, 1955–1963 (далее — TPSHD).

³ Ср.: Волкова М.П. Зачем Абахаяю понадобилась печать императора юаньской династии // Девятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1978. С. 19–26.

Этот известный рассказ был впервые записан в древнеманьчжурских деловых бумагах, а именно в сообщении Доргоня, Иото, Сахаляня и Хоогэ, датированном 26-м днем 9-й луны 9-го года правления Сурэ-хана (5 ноября 1635 г.)⁴. Этот рассказ был включен и в более поздние исторические сочинения об основании маньчжурского государства, например, он есть в гл. 20 «Хуан-Цин кай-го фан-люэ» («Записки об основании династии Августейшая Цин»):

«Когда Тогон Тэмуур, последний император юаньской династии, бежал в пустыню Гоби, он взял с собой государственную печать, которая после его смерти затерялась. Более чем через двести лет люди, пасущие овец у подножия горы, заметили, что в течение трех дней коза не дотрагивалась до травы, а только била копытами об землю. Когда же пастухи стали копать в том месте, то они обнаружили государственную печать [династии Юань]. Они передали ее Бошокту-хану, потомку юаньской династии, которого позже убил чахарский Лигдан-хан, также являвшийся потомком юаньской династии. Таким образом, государственная печать перешла к Лигдан-хану. После того как маньчжуры убили его, печать хранилась у его жены Сутай Фучинь. Доргонь заставил Сутай Фучинь выдать ему печать и передал печать маньчжурскому хану, так как она считалась драгоценностью, подаренной Небом»⁵.

Итак, маньчжурские ханы, или, вернее говоря, их историки, попали в своего рода странную ситуацию, из которой они смогли выйти лишь путем вполне обоснованных положений государственной философии: ведь, с одной стороны, они являлись потомками уничтоженной монгольским врагом Чингис-ханом чжурчжэньской империи, императоров которой они должны были почитать согласно традиционному культу предков. Однако, с другой стороны, они являлись также наследниками именно того монгольского врага, потомки которого им теперь были нужны в качестве союзников при расширении претензий на власть и в борьбе против совместного злейшего врага — китайской империи Мин. Другими словами, по государственно-политическим причинам, т.е. чтобы не лишиться симпатии монгольских поданных, Нурхаци был вынужден изображать Чингис-хана, могильщика своих предков, положительным правителем.

Этот дипломатический эквилибристический маневр он осуществил, прибегнув к философской концепции «подаренного Небом *dao*», что пригодились в первую очередь ему самому в борьбе против Китая.

Как известно, по классическому китайскому представлению, правитель для осуществления своей власти нуждался «в поддержке Неба». Ведь если властитель поступал несправедливо, то Небо отнимало у него право на правление и передавало его другому, а именно противнику.

Этим пониманием оправдывалось не только восстание с целью свержения согрешившего против Неба властителя, но и гибель какой-либо династии, а также провозглашение другой, «избранной Небом».

Нурхаци не раз пользовался этой концепцией для оправдания своей борьбы против Минов и представлялся как избранный Небом борец против китайской династии, которая, по его словам, совершила несправедливые поступки и тем самым лишила себя небесного покровительства. В качестве подтверждения антикитайских утверждений Нурхаци служили его бесспорные военные победы, которые могли быть добыты лишь благодаря «милости Неба».

Именно эту философию Нурхаци использовал в отношении к Чингис-хану и его противнику — чжурчжэньскому императору Тайхэ. Впервые это было зафиксировано

⁴ TFAHD, IX, л. 4427а–б.

⁵ Цит. по: *Bischoff F.A., Sagaster K.* Das Zaubersiegel des Cinggis Khan // Gedanken und Wirkung. Festschrift zum 90. Geburtstag von Nikolaus Poppe. Asiatische Forschungen. Bd 108. Wiesbaden, 1989. S. 19–26.

в послании к князьям «пяти халхаских палаточных лагерей» (монг. *табун оток халха*), датированном 18 мая 1620 г., с которыми Нурхаци незадолго до этого заключил союз⁶.

В этом послании оправдывается не только борьба Нурхаци против Китая и его претензия на собственную маньчжурскую империю, но и уничтожение чжурчжэнями государства Ляо и северной династии Сун. Вместе с тем доказывается и справедливость того, что Чингис-хан как исполнитель воли «справедливого Неба» уничтожил государство чжурчжэней.

В начале своего послания Нурхаци подробно изложил причины, по которым он объявил войну китайской империи, и подчеркнул, что его победы доказываются поддержкой Неба. Затем, касаясь известного рассказа, Нурхаци упоминает о гибели государства Ляо и подъеме чжурчжэньского вождя Агуды, основоположника чжурчжэньской династии:

«В старые времена император великого государства Ляо победил Чжао Хоу-цзуна, китайского императора. Он также покорил монголов, корейцев и все другие государства.

Во время торжественного пиршества на стол подали осетров, пойманных в реке Ула в чжурчжэньской стране, и все сановники чжурчжэньской страны должны были пуститься в пляс. Приказали пуститься в пляс и сановнику по имени Агуда. Но так как он не стал танцевать, то Тянь-цзо, император Ляо, сказал своему сановнику Сийоо Фун-сияню (Сяо Фэнсяню. — *Дж.С.*): „Этот Агуда не танцует, хотя я ему это приказал. Он не слушается моих слов. Казнить его за такой проступок!“ После этих слов Сийоо Фун-сиянь предупредил: „Это страна диких обычаев. Если [Агуда] не имеет никаких плохих намерений и является честным человеком, то [твой приказ] может повлечь за собой дурные последствия. Зачем его убивать? Потому, что он не пустился в пляс и не совершил никакого другого проступка?“ Тогда император отменил приказ о казни Агуды.

Когда Агуда узнал об этом, то он предусмотрительно построил в государстве Ляо укрепленные города и другие военные сооружения. А когда разразилась война, Агуда оказался на стороне *дао* и покорил все государство Ляо⁷.

Уничтожение основанного Агудой государства представляется как неминуемое последствие злодейских намерений, которые питал один из последних чжурчжэньских императоров к Чингис-хану, и изображается следующим образом:

«В дальнейшем айсиньский (чжурчжэньский. — *Дж.С.*) император Тайхоо (Чжан-цзун. — *Дж.С.*) в 5-м месяце 6-го года [своего правления]⁸ отправил своего дядю князя Юнцзи, чтобы тот в городе Цзиньчжоу принял Тэмучжина, правителя монгольского государства, приехавшего к нему на поклон с данью. Прибыв в Цзиньчжоу и увидев принесшего дань Тэмучжина, Юнцзи узнал в нем выдающегося человека.

После того как Тэмучжин вернулся в свои владения, Юнцзи сказал айсиньскому императору: „Тэмучжин не такой человек, чтобы привозить нам дань на вечные времена, а такой, который принесет ущерб нашему государству. [Из предосторожности] надо убить его под предлогом каких-нибудь нарушений границ“. Айсиньский император ответил: „Если мы уьем приехавшего к нам с данью человека, разве люди всей империи поймут нас?“ И так слова [князя Юнцзи] были оставлены без внимания. Когда об этом узнал Тэмучжин, он больше не приезжал на поклон лично, а посылал своих вельмож. После того как айсиньский император Тайхоо умер, Юнцзи, который хотел убить Тэмучжина, был провозглашен императором. Все это дошло до Тэмучжина.

⁶ Ср.: *Weiers M.* Die Vertragstexte des Mandchu-Khalkha Bundes von 1619–20 // *Aetas Manjurica*, I. Wiesbaden, 1987. S. 119–165.

⁷ ТФАИД, I, л. 529а–б, соответственно ТФСНД, I, 225–235.

⁸ Май–июнь 1205 г.

[Из осторожности] он спросил посланника айсиньской империи, кто именно после смерти императора стал преемником. Посланник ответил, что императором стал Юнцзи, седьмой сын императора Дай Цзинь. Тогда Тэмучжин сказал: „Вы думаете, что ваше Айсиньское Срединное Государство ведет существование, которое можно сравнить с Небесным. А на самом деле, провозгласив Юнцзи императором, вы назначили не кого иного, как обыкновенного человека“. При этих словах он плюнул и прекратил свои приезды. А когда после рассуждений, рожденных злым сердцем, разразилась война, Небо поддержало Тэмучжина, и власть правления перешла от айсиньских императоров к Чингис-хану монголов».

Таким образом, Чингис-хан изображен не как злонамеренный разрушитель чжурчжэньского государства, а как действенная рука Неба: так как право было на его стороне, то его подъем и связанная с этим гибель чжурчжэней не явились последствиями войны во имя жажды власти, а делом, одобренным и поддержанным Небом. Совершенно ясно, что такой политикой Нурхацы приобрел не только симпатию монголов, но и в войне против Минов (которые, как известно, изгнали из Китая последнего императора монгольской династии Юань) он представил себя правителем, избранным Небом. Именно в этой связи о многом говорит то обстоятельство, что в письме Нурхацы гибель династии Юань никоим образом не связана с какой-либо несправедливостью монгольских правителей. Наоборот, это событие излагается в невыгодном для Минов свете и притом в одном единственном предложении:

«Город Даиду (Пекин. — *Дж.С.*), избранный Хубилай-сэчэн-ханом в качестве столицы, во время правления Тогон Тэмура был захвачен китайским императором Хун У, который там и обосновался»⁹.

Это единственный случай, когда родоначальник какой-то династии (который, по рассуждениям Нурхацы, может действовать вообще только как исполнитель воли Неба) изображается даже как своего рода узурпатор («захватчик столицы»). Политическая подоплека очевидна.

В обращенной к китайцам речи от 21 мая 1621 г. Нурхацы второй раз упоминает победу Чингис-хана как следствие коварных планов айсиньской династии, которую он называет «нашей династией» (маньчж. *мусэи гурун*):

«Позже и последний хан нашей айсиньской империи хотел убить Чингис-хана монголов. Когда из-за этого разразилась война, верховная власть (маньчж. *доро*, т.е. *дао*) айсиньского императора была передана монгольскому Чингис-хану»¹⁰.

В третий раз эти обстоятельства упоминаются Нурхацы в послании от 26 мая 1622 г., направленном двум из его полководцев. В нем говорится: «Да будет воля Неба: оно делает большое маленьким, а маленькое большим». И Нурхацы оправдывает свою войну против Китая, перечислив ряд смен династий в самом Китае:

«Когда в древние времена [последний] император [династии Ся] Гийэи (Ди Люйгуй цзе. — *Дж.С.*) лишился *дао* и плохо правил, поднялся¹¹ Чэн Тан, [имевший свою резиденцию] на расстоянии семидесяти миль, и получил *дао* императора Гийэй.

Когда [последний] император [династии Шан] Чжоу (Ди Синь. — *Дж.С.*) лишился *дао*¹² и плохо правил, поднялся Бэнь Бан (У-ван. — *Дж.С.*), [родоначальник династии Чжоу, имевший свою резиденцию] на расстоянии ста миль, и получил *дао* от императора Чжоу.

Когда император Цинь Ши Хуван-хан (первый император объединенного Китая Цинь Ши-хуан. — *Дж.С.*) лишился *дао* и плохо правил, поднялся император (из ди-

⁹ ...Hubilai secen han i arafi tehe daidu hecen be. Tohon temur han i fonde. nikan i hung u han durifi tehe... (См. примеч. 3.)

¹⁰ TFAHD, II, л. 636а-б, соответственно TFSHD, I, 300-302.

¹¹ В 1767 г. до н.э. как родоначальник династии Шан.

¹² В 1123 г. до н.э.

насти Хань. — Дж.С.) Гао-цзу из села Сышантин и получил *дао* от императора Цинь Ши Хуван-хана.

Когда Тяньцзо, император династии Ляо, приказал нашему айсиньскому императору Тайцзу-хану пуститься в пляс и хотел убить его из-за того, что тот отказался танцевать, то дело дошло до войны, в течение которой [наш айсиньский хан] получил *дао*.

Когда Хоу-цзун, император из династии Чжао, отказался после приема послать обратно Чан Гио, вельможу находящейся в состоянии войны с айсиньским ханом династии Дайляо, то разразилась война. Императоры Хоу-цзун и Цинь-цзун, отец и сын, оба из династии Чжао, попали в плен и были сосланы в расположенный восточнее Белой Горы город Угочэн.

Когда последний айсиньский хан сказал одному пришедшему на прием подданному монгольского Чингис-хана, что он (Айсинь-хан. — Дж.С.) хочет убить Чингис-хана из-за его внешности, Чингис-хан объявил войну, в которой Айсинь-хан лишился *дао*¹³.

Кроме концепции «оправданного Небом мятежа» против недостойного правителя, первые маньчжурские правители еще два раза ссылались на фигуру Чингис-хана для оправдания своих поступков.

Первый раз это имело место в речи, с которой Нурхаци 31 мая 1621 г. обратился к своим ближайшим соратникам, когда они открыто выступали против перенесения центра власти в только что завоеванный и, наверное, еще не надежный город Ляоянь. Нурхаци упрекал их в «нерешительности» (маньчж. *сарталунь*), а также в неспособности принять меры предосторожности на будущее. В этой связи он упоминает о Чингис-хане следующими словами:

«Завоеванное монгольским Чингис-ханом, но еще не полностью покоренное ханство было окончательно завоевано его внуком Угэдэем»¹⁴.

В качестве второго примера приведем цитату, принадлежащую преемнику Нурхаци, Хун-тайджи, его восьмому сыну. Она содержится в датированном 26 марта 1632 г. послании, подоплека которого неизвестна. Судя по его содержанию, речь идет о неправильном, надменном отношении чиновника к простому народу:

«В старое время Чагантай, один из сыновей Чингис-хана, отрезая зубчатым ножом тamarиск, чтобы сделать бич, говорил: „Вот этот простой народ, наверно, собрал мой отец Чингис-хан. Кажется, что этот бич из тamarиска мне еще пригодится“. На это ему ответил Очир-хан: „Если бы собранные твоим отцом-ханом ремесленники не выковали нож, которым ты сделал бич, тебе пришлось бы самому делать его своими ногтями и зубами“»¹⁵.

Маньчжурский правитель даже своим собственным дружинникам ставит Чингис-хана в пример для достойного подражания как организатора справедливой социальной политики, которая со времен Нурхаци являлась основой основ восходящей маньчжурской власти и не раз подчеркивалась в соответствующих трудах по истории.

Все эти примеры являются доказательством того, каким большим уважением пользовался Чингис-хан в начале XVII в. и у маньчжуров. Но в первую очередь, наверно, они были адресованы новым союзникам — монголам. Именно во второй половине XVII в. монголы играли чрезвычайно большую роль в подъеме и дальнейшем существовании молодого маньчжурского государства.

Ссылки на Чингис-хана, данную ему позитивную оценку и восхваление его беспримерного понимания истории (частично даже за счет собственных предков из рода правителей айсиньской империи) следует рассматривать как хорошо обдуманное

¹³ TFAHD, II, л. 1123а–б, соответственно TFSHD, II, 599–602.

¹⁴ TFAHD, II, л. 651а–б, соответственно TFSHD, I, 312–313.

¹⁵ TFAHD, VIII, л. 3701а–б, соответственно TFSHD, V = T'ai-tsung 2, 687–688.

расчет, и это тем более важно отметить, так как после окончательного удержания и укрепления маньчжурского государства все названные здесь примеры не были включены в официальные исторические документы цинской династии. Их нельзя обнаружить ни в «Кайго фанлюэ» («Записки об основании династии»), ни в «Ши лу» («Правдивые записи»).

Эта «цензура» поздних документов доказывает, что после окончательного упрочения маньчжурского государства прославление Чингис-хана (пусть оно и было скромным) в рамках маньчжурской историографии оказалось больше ненужным, а наоборот, по националистическим причинам могло быть даже вредным. Только упомянутый эпизод передачи печати юаньской династии сохранился и в более поздних произведениях, потому что это оказалось выгодным вплоть до падения маньчжурской династии для оправдания маньчжуров как наследников юаньской империи.

Историко-литературное произведение «Сокровенное сказание монголов» в ранней истории маньчжуров не оставило, как кажется, никаких следов. Иначе обстоит дело с Чингис-ханом: в «Сокровенных хрониках» маньчжуров он с приписываемыми ему изречениями упоминается пять раз. Эти изречения, в свою очередь, в более поздних маньчжурско-китайских произведениях считались «сокровенными». А многочисленные связи «сокровенного» с Чингис-ханом только подчеркивают ту «святость», которую полтысячи лет спустя в этом властителе усматривали не только монголы, но и маньчжуры.

Summary

Stary Giovanni

Chinggis-khan in *The Secret Chronicles of the Manchu Dynasty*

The article is based on the material of *The Secret Chronicles of the Manchu Dynasty* published by Japanese scholars in 1955–1963 and commonly known under the title *Manwen laodang*. These are the archive materials of the period of early formation of the Manchu state. The author of the article traces Chinggis-khan personality's influence on the policy of the first Manchu rulers Nurhaci and Hung-taiji. On the one hand, Chinggis-khan was the one who destroyed Manchu's ancestors, Jurchens; on the other, the Manchus considered themselves to be political followers of the Yuan dynasty in their struggle with the Chinese. The solution of this dual question was found in the interpretation of the Heaven's Will and the Mandate of Heaven which was bestowed on both Chinggis-khan and Nurhaci in their struggle against Chinese dynasties. In both cases the Mongolian and Manchu khans were realizing the Will of Heaven to receive a righteous rulership over the Underheaven. With this policy Nurhaci and Hung-taiji gained support of their mighty Mongolian allies.

This imperial policy of the Manchus is proved by the documents from *The Secret Chronicles of the Manchu Dynasty*. Many of them were not included into their later Chinese variants found in *Kai guo fanglue* and *Veritable Records of the First Manchu Emperors*.